

СЕРИЯ «СОВРЕМЕННОЕ БОГОСЛОВИЕ»

ЛИЧНОСТЬ В ПОСТРЕЛИГИОЗНОМ ОБЩЕСТВЕ

Алексей Бодров и
Михаил Толстолюбенко, ред.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	vii

Личность и общество

Юрген Мольтман

Гуманизм в индустриальном обществе	3

Григорий Миненков

Личность в ситуации повседневного космополитизма: к новым социальным и культурным практикам	27

Олег Давыдов

Тринитарный путь: по ту сторону индивидуализма и коллективизма	47

Эдвард Кесслер

Религия и национальное государство: стояние на перепутье	55

Личность и общение

Иоанн Зизиулас

Человеческая способность и человеческая неспособность: богословское исследование феномена личности	77

Якоб Ом

«Реляционная личность» в экуменической перспективе: человек как моральное существо в контексте не-человеческого окружения	135

Ондржей Коларж

Как относиться к чужому с богословской точки зрения? Концепция <i>convivencia</i> в понимании Тео Зундермайера и ее приложимость к постмодерному обществу	143

Личность, свобода и творчество***Пол Фиддес***

ТВОРЕНИЕ В СВОБОДЕ И ЛЮБВИ 157

Ромило КнежевичНИКОЛАЙ БЕРДЯЕВ О ГЕНИИ, *CREATIO EX NIHILO* И ОСОБОМ НОВОМ
ТИПЕ МОНАШЕСТВА 177***Джанфранко Равази***

ДУША ИЗ НЕЙРОНОВ 191

Юрген Мольтман

АСПЕКТЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ СВОБОДЫ В ПРИСУТСТВИИ БОГА 209

Артем ГравинРЕАЛИЗАЦИЯ ЛИЧНОСТИ: РЕЦЕПЦИЯ ФИЛОСОФИИ НИКОЛАЯ БЕРДЯЕВА
ВО ФРАНЦУЗСКОМ ПЕРСОНАЛИЗМЕ (ЖАК МАРИТЕН, ЭММАНУЭЛЬ МУНЬЕ,
ЖАН ЛАКРУА) 219***Массимо Фаджолли***СЕКСУАЛЬНОЕ НАСИЛИЕ И КРИЗИС В КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ
В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ РЕЛИГИОЗНОЙ СВОБОДЕ 231

ОБ АВТОРАХ И РЕДАКТОРАХ 249

ПРЕДИСЛОВИЕ

Значительные изменения, которые происходят в обществе в последние десятилетия в связи с глобализацией и информационной революцией, позволяют говорить о возникновении новой религиозной ситуации. Традиционная религия все более замещается новой формой религиозности, часто называемой «пострелигией». Этому сложному и многогранному явлению трудно дать строгое определение, тем не менее в общем виде его можно описать как свободный, открытый и недогматический поиск священного, часто находящий выражение в возникающих группах и общинах, которые, в отличие от традиционных религиозных сообществ, имеют неиерархическую структуру и в целом положительно относятся к современному миру с его стремлением к индивидуальной свободе и самореализации. Это касается не только так называемых новых религиозных движений, но во все большей степени и доминирующих религий, в том числе христианства. Такие низовые движения, вдохновленные новыми идеями и новыми подходами к извечным экзистенциальным и духовным проблемам, возникают даже внутри наиболее консервативных церквей, в том числе православных. Пострелигию, таким образом, не обязательно нужно резко противопоставлять традиционной религиозности и полностью отделять от нее; вполне возможно, что пострелигию стоит рассматривать как дальнейший этап в эволюции религии, обусловленный происходящими в человеческом обществе переменами.

Каким образом эта новая ситуация влияет на понятие личности, на само содержание этой идеи? Христианство нередко заявляло, что это понятие имеет богословские корни: поскольку в человеке видели образ Божий, на понятие человеческой личности оказала глубокое влияние идея Троицы и межличностных отношений между ее ипостасями, развитая в древнем христианском богословии. Даже если такая точка зрения не является исчерпывающей, все же едва ли можно отрицать, что религиозное измерение играло чрезвычайно важную роль в понимании человеческой личности в Средние века и в Новое время. Однако в наш постмодерный и пострелигиозный век ситуация радикально изменилась. Так, христианство сегодня активно взаимодействует с другими религиями и культурами, в которых понимание личности может значительно отличаться от христианского; благодаря феминистскому богословию, Бог более не понимается исключительно в маскулинных и патриархальных терминах; озабоченность экологическими проблемами и вопрос о правах других, помимо человека, живых существ побуждают нас сегодня рассуждать о прочем творении в менее безличных категориях, чем прежде, и видеть в человеке не «венец творения», а лишь одну из его частей, возможно даже не самую лучшую; современное человеческое сообщество все более превращается в общество потребления и развлечения, состоящее из безликих «одномерных» индивидов, связанных скорее «виртуальными», нежели реальными отношениями; наконец, искусственный интеллект становится квазиличностной реальностью, которая может существенно облегчить нашу жизнь, но также может использоваться для контролирования почти всех ее сторон – и далеко не всегда во благо конкретных индивидов. Как эти и многие другие изменения влияют на представления о личности, об общении между личностями и о творческой свободе личности?

В поисках ответов на эти вопросы Библейско-богословский институт св. апостола Андрея провел международные конференции «Личность в пострелигиозном обществе» (декабрь 2020 г.) и «Богословие общества» (сентябрь 2021 г.). В настоящий сборник вошли избранные доклады из представленных на конференциях. Кроме того, в него включены посвященные

личности тексты двух крупнейших ныне живущих богословов – Юргена Мольтмана и Иоанна Зизиуласа, а также статьи других известных современных философов и богословов.

Алексей Бодров, Михаил Толстолуженко

15 октября 2022 г.

ЛИЧНОСТЬ И ОБЩЕСТВО

ГУМАНИЗМ В ИНДУСТРИАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ*

А. «ТОМУ, КТО ЕДЕТ НА ТИГРЕ, ТРУДНО СПЕШИТЬСЯ»

Остановимся на специфических социальных и политических проблемах человечества в современном индустриальном обществе¹.

Ситуация, в которой сегодня постоянно возникают вопросы об условиях и возможностях человечества, определяется окружающей средой, в которой живет человечество. Человек уже живет не столько в области природы, сколько в сфере своей работы, организации, техники. Большая часть человечества обязана своей жизнью современной медицине, а не только природе. Другая часть человечества погибает в нечеловеческих войнах, из-за политического угнетения и экономических лишений. Существование как таковое, а также и практи-

* Глава из книги: Юрген Мольтман, *Человек*, М.: ББИ, 2013 (с. 21-43). – *Здесь и далее знаком * обозначены примечания редакторов или переводчиков.*

¹ О проблематике XIX столетия см.: Th. Litt, *Das Bildungsideal der deutschen Klassik und die moderne Arbeitswelt*, Bonn 1955; H. Weinstock, *Realer Humanismus*, Heidelberg 1958. Из литературы по проблематике XX века см.: D. Riesman, *D Masse*, Neuwied 1956; A. Gehlen, *Die Seele im technischen Zeitalter*, rde 53, Hamburg 1957; I. Ellul, *Technological Society*, New York 1964; L. Mumford, *The Myth of the Machine*, New York 1966; H. Marcuse, *Der eindimensionale Mensch*, Neuwied 1967; E. Fromm, *The Revolution of Hope. Toward a Humanized Technology*, New York 1968. Рус. пер.: Г. Маркузе, *Одномерный человек*, М.: АСТ, 2009; Э. Фромм, *Революция надежды. Избавление от иллюзий*, М.: Айрис-пресс, 2005.

ческий образ жизни становятся все более зависимы от того, что сделали и делают люди, что дает и требует организованное общество, что определяют политические решения, и от результатов колебаний рынка. Благодаря науке и технологии человечество может впервые в истории стремиться к освобождению от тирании природы, которая сначала приносила ему много бедствий. Однако в ходе освобождения человечества от непонятных сил природы человек сразу же попадает в новую зависимость от своей собственной работы и организации. Когда онтократия господства природы теряет свою силу, появляются технократии и бюрократии, которые имеют такую же скрытую силу, делающую человечество зависимым и бессильным. Хотя еще существует достаточно много стихийных бедствий, люди сегодня больше боятся социальных катастроф, инфляций и революций. Хотя человеческое тело все еще страдает от естественных болезней, люди сегодня больше боятся болезней цивилизации и биотерапии. Наши дети видят, что старшие члены их семьи все меньше умирают естественной смертью, а другие дети все больше гибнут от насильственной смерти или дорожных катастроф. Политический фактор становится все более решающим в жизни человека, а политика не стала из-за этого более гуманной.

Из этих новых ситуаций, в которых оказалось человечество, возникает два вида проблем: а) в строении своего общества человек развил новое сознание своей окружающей среды; б) технический прогресс стал сомнительным.

Когда учишься водить автомобиль, то прежде всего возникает чувство, что ты являешься очень маленьким телом в огромной чужой машине. Но затем человек научается отождествлять себя с этой машиной. У него появляется чувство, что он овладел этой машиной. Он сливается со своим автомобилем и становится средством передвижения. Его автомобиль становится частью его тела. Если он попадает в дорожную катастрофу, то не говорит, что «другой человек ударил мой автомобиль своим автомобилем», а говорит, что «он ударил *меня*». Часто он обижается и должен хорошо подумать, прежде чем отделит себя от своего побитого автомобиля, убытки за повреждение которого ему покрывает страховое агентство. Под автомобилем понимают не средство прогресса, не «место вождения», а часть

самого себя. Водитель не только владеет своим автомобилем: автомобиль в свою очередь воздействует на него так, как если бы он был частью его собственного тела. Такое же расширение самосознания имеет место на работе на заводе, в конторе, в больнице или за чтением газет и перед телевизором. Материал, над которым работает человек, в то же время является и средой, в которой он вращается. Деятельность человека сопровождается воздействиями, которым он себя подвергает. Сам он находится во взаимодействии между своей окружающей средой и самим собой. И все труднее становится сделать различие между самим собой и своей искусственной окружающей средой, ибо его орудия – это не просто инструмент, над которым он имеет абсолютный контроль; но они в то же время являются частью его собственной формы, как и он является частью своей формы. Отношения между человеком и машиной, если понимать теперь машину в более широком смысле человеческой работы, это не отношения между субъектом и объектом или субъектом и инструментом, а новая унитарная форма человека-машины².

То, что мы сказали о человеке и его автомобиле, можно сказать и о его участии в более широких делах. Новое коллективное и обширное сознание вырабатывается через телевидение. Человек становится современником тех людей, которые находятся очень далеко от него, и он соучаствует в их бедах. Новое сознание появляется через постоянное участие в культуре, экономике и политике. Человек становится соучастником все расширяющихся кругов. Из этого возникает беспредельное сознание солидарности. Самый далекий становится близким, хотя часто близкий в то же самое время становится чужим. Самосознание растворяется в сознании этой солидарности. Человек сознает себя частью большой единицы. Но это взаимодействие между «я» и более широким контекстом еще не выработало человеческой формы. Через газеты и телевидение мы действительно участвуем в расовых волнениях в США, в стихийных бедствиях в Бангладеш и в революциях в Латинской Америке,

² См. также: М. McLuhan, *Understanding Media: the extensions of man*, New York 1964; W. Kuhns, *Environmental Man*, New York 1969. Рус. пер.: М. Маклюэн, *Понимание Медиа: внешние расширения человека*, М.: Кучково поле, 2007.

но должным образом реагировать на них не можем. Между пассивным участием и активным действием существует несоответствие, которое увеличивает сознание личного бессилия, а также ведет к подсознательному чувству вины. Каждый понимает, что есть гораздо больше несчастий, в которых он мог бы, но не в состоянии помочь, потому что возможности активного вмешательства ограничены.

До настоящего времени антропология основывалась на человеческом разуме и его связи с животными, другими людьми и Богом. Окружающая человека среда часто понималась просто как сцена, на которой разыгрывалась практическая, нравственная и религиозная драма человека. Сегодня же мир, в котором живет человек, сам становится проблемой. И встает вопрос, насколько этот искусственный мир имеет человеческую форму.

Это приводит нас к еще одной нашей проблеме. Индустриализация современного мира была, и все еще остается сегодня, связанной с беспрецедентной верой в прогресс и самоочевидную ценность экономических темпов роста. Технический прогресс считается тождественным человеческому прогрессу, и каждое новое великое открытие в науке награждается Нобелевской премией. Кроме того, считается, что все, что *можно* сделать, *должно* быть сделано именно потому, что его можно сделать технически. И наконец, считается, что максимальная техническая производительность и безграничный экономический, технический и военный рост являются ценностями в себе. «Производи больше – потребляй больше» – вот закон, который сохраняет в действии этот прогресс. Это действительно было важно, пока потребности и нужды человека были больше, чем средства, их удовлетворяющие. Но в «обществе изобилия» принципы такой веры губительны для человека.

«С каждым годом мы получаем все бóльшие возможности, чтобы достичь того, чего хотим. Но чего же мы хотим?», – спрашивает французский футуролог Бертран де Жувенель после того, как Альберт Эйнштейн уже сказал, что «выпущенная на волю сила атома изменила все, кроме наших образов мысли, и мы движемся к неслыханной катастрофе». Может быть, мы вступаем в век, когда преклонение перед абсолютным техническим и экономическим прогрессом прекратится, ибо люди по-

нимают, что только процентные показатели роста ничего не говорят нам об улучшении качества человеческой жизни. Может быть, в один прекрасный день наука и экономика перестанут подсчитывать заранее расходы, необходимые на их новое развитие, но также задумаются и над социальными, моральными и человеческими последствиями своих предприятий. До сих пор, однако, создается впечатление, что каждый занимается только тем, что подбрасывает уголь прогресса в локомотив общества, не зная, кто фактически ведет этот локомотив и куда он должен идти. Другие считают, что это не их дело, и, как специалисты в науке и экономике, они должны предоставить политикам использовать то, что они сделали. Но технология – это власть, а власть никогда не бывает нейтральной. И поэтому многие из них все больше начинают подозревать, что они и их исследования могли быть использованы во вред. У многих из них развивается неприятное чувство, что наше общество в погоне за технически возможным будущим перестало видеть будущее, к которому стремится и на которое надеется человек³. Многие прикрываются объективной вынужденностью развития и конкуренции, не позволяющими им выбирать. Но в основном это – фатализм, уходящий от ответственности. Ибо эта вынужденная позиция является искусственной. Требования, предъявляемые к научным исследованиям и техническим достижениям, не падают с неба. Они только вышли из-под контроля общества. Очень мало социальных и политических центров в состоянии сегодня связать интересы большого бизнеса или «военно-промышленного комплекса» (выражение Эйзенхауера) с человеческими интересами и социальными нуждами. Техническая власть растет и переступает национальные границы, тогда как ответственные организации остаются провинциальными и все больше отстают.

Тому, кто едет на тигре, трудно спешиться, говорит китайская пословица. «От демонов труднее нам всего отделаться: крепка их цепь», – жалуется ученик Мефистофеля в символической поэме Гете. Множество антитехнических аффектов в значительной мере возникает из этого чувства бессилия. Бог машины, который обещал все всем, предстает теперь как злой

³ W.-D. Marsch, *Zukunft*, TT2, Stuttgart 1970.

дух, который приводит все к разрушению. Но, несомненно, лучше приручить тигра и с ним достичь желаемого будущего, чем с ужасом отталкиваться от него. И выучив формулу вызывания духов, важнее сегодня также научиться умению направлять их и, если надо, освободить их. Но для этого необходимо прежде «охладить» накаленную историю прогрессов и преодолеть ее захватывающее обаяние до того, как мы дойдем до точки, откуда нет возврата, потеряем все альтернативы и станем рабами своей собственной работы.

Антропология современного человека должна разрешить проблему, которая встала перед человеком из-за того, что огромная сила его собственной работы если не раздавила, то полностью изменила его. Этого нельзя достичь просто одним описанием изменившихся обстоятельств человеческого бытия, но надо также и выяснить возможности для гуманизации технократического общества; и если серьезно встала опасность саморазрушения человека его же собственной технологией, то такая «антропология с точки зрения прагматики» должна также заняться освобождением и спасением столь угнетенного человечества. Возрастающее недовольство человека в обществе изобилия, его пассивность, его скука и проявление абсурдности и цинизма, его страх и чувство вины перед лицом погибающих от голода обществ, показывают, что именно само человечество находится в опасности.

Б. «ПРИЗРАК ИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА» И СТРЕМЛЕНИЕ К ТОТАЛЬНОЙ ЖИЗНИ

«Призрак бродит по Европе», но это уже не «призрак коммунизма», о котором говорится в предисловии к Коммунистическому манифесту 1848 года. Это призрак полностью механизированного общества, управляемого вынужденной максимизацией производства и потребления, контролируемого компьютерами, образованного из людей, которые превращены в хорошо отлаженные части монстра-машины, всем обеспеченного, беспрерывно развлекающегося и во всех отношениях уважаемого, но – с точки зрения до сих пор существующих идеалов человечества – пассивного, неживого, холодного. Другие призраки,

которые знает человек и считает их таковыми, например идеологические массовые движения национализма, фашизма, анархизма, радикализма левого крыла, представляют собой одну из форм экзорцизма, которые уже применялись и которыми люди пытаются защитить себя от угнетающей их силы ставшей теперь ненавистной работы.

Подобно всем призракам, призрак современного общества также имеет много названий. Он называется призраком «капиталистического общества» или «буржуазного общества», или «технократии». Люди говорят о «веке массового движения» и в то же время о «персоналистическом веке», «однородном мире работы», «плюралистическом веке». Можно было бы без труда привести еще много названий книг на эту тему. Куда ни посмотришь, всюду появляется новый призрак нашего современного мира, который становится исключительно типичным, и тогда целое называется по одному симптому. Так как целое не может быть подведено под один концепт, в этих названиях мы находим только симптомы. Это очень типично, потому что показывает современную бестолковость и неспособность ни интеллектуально понять, ни человеческим путем преодолеть то, что является искусственным. «Это была бы действительно скучная ситуация на другом конце атеизма, – говорил Арнольд Гелен, – если бы надо было жить в широких контекстах, которые человек не может соединить в одно целое ни интеллектуально, ни морально, ни эмоционально»⁴. Известный до настоящего времени образец человека как бы растворяется в ходе истории. Ничего не остается таким, каким оно было. Новая технология изменяет политику. Изменяется природа интимных человеческих отношений. Вера и мысль теряют свое направление. В таких кризисах появляются квазирелигии, ищущие безопасность, но также и религиозное стремление к эмансипации.

Сначала безграничные возможности технического общества вызвали в человеческом сознании оптимистический энтузиазм, но также и образы апокалиптического ужаса. Мы остановимся сперва на этих двух, оптимистическом и пессимистическом, направлениях, а затем перейдем к индивидуальным.

⁴ A. Gehlen, *Studien zur Anthropologie und Soziologie*, Neuwied 1963, 338.